

СМОТР искусство продолжается вечно, потому что это собственное его жизнь. Встреча со зрителем, для которого творит художник, — венец творчества. И кинофестивали кажутся мне естественнейшими событиями, они лишь собирают и выявляют общественное мнение.

Какова позиция художника в современном мире? Какова мера его активности? Участвует ли он в решении важных жизненных проблем или бежит от них в узкий мир профессиональных интересов? Фестиваль принесет нам ответы на эти вопросы. Международный фестиваль позволяет нам также узнать уровень развития мирового кино — это важно для разных стран и для отдельных художников. Мы многого ждем от V Московского фестиваля, мы ждем от него откровений, новых кинематографических имен, художественных открытий.

В дни V Международного фестиваля в Москве организуется ретроспективный показ кинофильмов, созданных за 50 лет. Шедевры советского кино, открывшие новую страницу в истории мирового искусства, осветят своим светом нынешнее соревнование кинематографистов. Мне думается, посмотреть сегодня эти фильмы интересно не только с целью исторического экскурса, но и для того, чтобы на примере советского кино проследить поступательное развитие искусства, увидеть воочию и понять, как обновилось кино после двадцатых и тридцатых годов и вместе с тем, как современный кинематограф крепко, внутренне связан с традициями предшествующих этапов. Посмотреть глазами современников киноклассику и задуматься, в чем же чудо его жизни сегодня, — это интересно и полезно. Я не хочу предвосхищать мнения — они могут быть разные у разных людей, — но мне кажется, что долгая слава фильмам Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко и других осталась именно потому, что гражданский и творческий пафос этих кинорежиссеров совпал. Они были пионерами искусства. Молодое искусство начало молодые. Они ломали старое, начинали новое.

Советское кино как искусство рождено Октябрем. Нужна была революция

ВДОХНОВЕНИЕ ОТКРЫВАЕТ ИСТИНУ

не только для того, чтобы кинематограф из коммерческого предприятия превратился в творчество, не только для того, чтобы кино принадлежало народу, но и для того, чтобы оно стало настоящим искусством, ибо новая жизнь дала искусству и новые темы и новые формы.

Наша действительность вызывает к жизни активное искусство. И оно у нас есть. Меня радует сильное разнообразие племени молодых советских режиссеров. Таланкин, Тарковский, Кончаловский, Даниеля, Богин и многие другие своими первыми же работами заявили о себе как об интересных художниках. Они пришли в искусство, как говорили, не с пустыми руками, они принесли с собой нечто очень важное — свое, собственное мироощущение, какую-то особую зоркость, проницательность, трепетность.

Молодость кино, которую мы все ощущаем и которая нас всех радует, связана, конечно, не только с именами молодых режиссеров, артистов, писателей. Сегодня работают с энергией молодые и мастера старшего поколения. Процессы, происходящие в советском кино, многообразны, сложны и активны. Участие теории, критики в настоящее время имеет немалое значение для всей художественной практики.

Я в претензии к критикам: они не знают, как создается фильм, многие никогда не были на съемках. К рождению ребенка они не причастны. Они живут отдельно, чаще всего выдумывают себе теории, например, дедрамматизация, дегероизация, антифильм, антироман, исток жизни... «Мыслящий актер», «думающий актер», интеллектуальный поток, выраженный через актеров... Это значит, что они открыли тайну, которая всем давно известна. На первом курсе театральных вузов говорят актеру: ты должен мыслить. Это азбука для артиста. Зато лагестические теории быстро сказываются на художественной практике. Появились картины рассудочные, эмоциональ-

ное воздействие их на зрителя сведено к нулю. Вместо образного выражения предмета мы приходим к словесному. Но искусство — это открытие и сообщение чувств. Разве Щепкин, Мочалов и Станиславский, создавший теорию, которая вечно будет служить художникам сцены, отвергли мысль, философскую насыщенность и значимость своего артистического слова? Разве не знали они счастья служения передовой идее и не выразили в себе прогрессивных тенденций русского искусства? Но их искусство потрясло зрителя, заражало, захватывало сердца и сознание. Их духовная высота и душевная щедрость помножили силы таланта. Они были лицедеи и мыслители. И Белинский был прав, сказав, что вдохновение — это внезапное проникновение в истину.

Мысль, выраженная в образе, как капля, падающая на камень, в конце концов продолбит его... Я свято верую в это утверждение Льва Толстого. Искусство незаметно действует на людей. Человек не должен знать, какими средствами на него воздействуют. Но надо помнить, что зрителя потрясает только вдохновенное искусство. А мы о потрясении забыли. Меня в последний раз потряс Добронравов, когда он играл царя Федора...

В кино давно признали, что нужен актер и что актеру здесь труднее проникать в область подсознания, — техника мешает. Сейчас чувствуется тяготение к документальности в художественном кино. И это ставит новые задачи перед актерской школой. Обращение к типу закономерно, закономерно и желание иногда отстранить профессионала. Оно вызвано пристальным приближением к естеству, к правде жизни. Попробуйте в таком фильме на крупный план снять актера — он себя сейчас же выдаст. Актер должен задуматься над техникой игры, над арсеналом

Сергей **БОНДАРЧУК**,
лауреат Ленинской премии

□ □

лом средств, чтобы быть на уровне современного мастерства, чтобы соответствовать новым эстетическим нормам, ибо без постоянного художественного обновления нет искусства. Например, Жан Габен, покойный Спенсер Трейси, наши Андреев, Смоктуновский и погибший рано Урбанский сумели сохранить свою индивидуальность. Эти актеры сильны своим «я», своей личностью. Такой актер не сходит со сцены и никогда не обманет экран.

Я считаю, например, что артистическая индивидуальность Андреева кинематографом до конца не использована. Это огромный артист по самобытности. Ему подражают многие, но его повторить невозможно. Сам же он богат необыкновенно. Крючков, Борисов, Жаков из той плеяды.

Есть актеры-исполнители и актеры-творцы. Исполнитель приходит на съемку, зная текст, идеально выглядит, не ошибается и всегда выполнит волю режиссера. Но дальше этого он ни-ни. Актер, мне кажется, сам должен быть автором роли, а режиссер должен прежде всего создать артисту почву для творчества, идеальные условия для самостоятельного творчества, сделать все, чтобы заговорила сама природа артиста. На мой взгляд, режиссер должен думать вместе с актером.

Раньше мы боялись слова «искусство». Это было своеобразной реакцией на теорию чистого искусства, искусства ради искусства. Но вопрос о том, можно ли поставить данное произведение в ранг искусства или нет — очень важный. Надо биться за высокий критерий — нравственный и художественный, надо утверждать высокую миссию искусства, его значение и роль в жизни человеческого общества, в совершенствовании человека. Формализм вмещает в себя не только бессодержательные поиски новых формальных приемов — против

этого мы смело боремся. А что такое, как не формализм, примитивное, глупо неправильное представление о взаимодействии искусства со своей аудиторией? Мы хотим, чтобы искусство жило идеями времени, несло в массы светлые идеалы гуманизма. Но если мы хотим, чтобы этот труд брало на себя искусство, мы должны твердо помнить, что искусство — особая форма познания действительности, что это сложный и тонкий инструмент, который единственный способен открывать людские сердца. Искусство немислимо вне художественных новаций. Сам процесс творчества требует от художника вечного поиска, открытия, начинания.

Настоящие мастера ищут за кадром, а молодежь заставляет искать в картине. Печать поиска лежит на всей жизни художника. Если же весь поиск «от» и «до» на экране, то это лишь формальный эксперимент.

Кинематограф не может быть эстетствующим, не может ориентироваться на малую аудиторию. Нельзя делать фильм для дома и фильм для фестиваля. Когда я работал над «Судьбой человека», я все время думал, чтобы это было бесыскусно, просто, чтобы не потреть то святое, что связано в народе с войной. Мы, кинематографисты, нередко кичимся массовостью своего искусства. Но никак не хотим всерьез задуматься о том, что массовое, значит, более других связанное с массовым сознанием. Вопрос, я бы сказал, обоюдоострый, сложный. Мы коснемся сейчас одной стороны дела. Кинематографисты заинтересованы кровно, непосредственно в эстетическом воспитании, художественном просвещении масс. И я думаю, что это прекрасно, что международный кинофестиваль вот уже пятый раз проводится в Москве. Возможно, я окажусь ретроградом в чьих-то глазах, но мне кажется, многие авторитетные, старейшие фестивали в последние годы заметно снижают свою общественную активность и значимость. Было бы обидно, если фестивали превратились

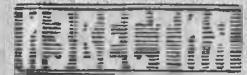
бы в мероприятия коммерческие. Н многих — уже так и происходит: купля — продажа, а ведь это быстро становится фактором, определяющим фестиваль, его цели и его уровень. Фильмы заранее отбираются группой людей, и, естественно, выбор продиктован вкусами этих людей. Круг интересов общественных и художественных сужается.

Наш московский фестиваль имеет, на мой взгляд, несколько неоспоримых преимуществ. Может быть, хозяин не должен хвалить свой дом, но я хочу сказать об этом.

Мне нравится, что наш фестиваль проходит в столице, в деловой атмосфере, а не на курорте. То, что столица отдана кинематографистам на несколько дней, — это хорошо, это свидетельствует о гостеприимстве и настраивает, мне кажется, и гостей и хозяев на серьезный лад.

У нас тоже существует отбор, но отбор идет по другой линии. Девиз фестиваля — за гуманизм киноискусства — главный критерий в нем. Мы хотим, чтобы московский фестиваль приобрел широкий размах, хотим собрать вокруг себя нужных нам людей, хороших людей. И надеемся, что атмосфера фестиваля будет насыщена духовными интересами современников. И не бизнес, а искусство будет царствовать, править на этом международном форуме.

И еще одно неоспоримое преимущество у нашего фестиваля: он молод, а молодость чего-то да стоит. Дерзание молодых художников мира, ощущающих биение сердец своих сверстников на всех континентах, дороги равно и советским кинематографистам и советским зрителям, которые с волнением и надеждой ждут открытия в Москве V Международного кинофестиваля.

2
стр.

№ 154 (15548)

1967, 1 июля